

несколько минут очутился около шпалеры из низко подстриженной акации, служившей вместо ограды. По ту сторону ее, за пыльной дорогой, поднимались серые дворовые строения, справа от них, сейчас же за плетнем, вставала узкая полоса конопли. Из-за нее, словно косятые шапки Робинзона, торчали соломенные крыши крестьянских изб; дальше, на ясном, как бы хрустальном небе отчетливо рисовались зеленый купол и золоченый крест церковки. Стрижи сотнями реяли над нею; доносились звенящие зовы их, такие родные утасанию дня...

Стук двери заставил меня отвести глаза от дали и оглянуться; из крайнего флигеля, вероятно из людской, неслыша вышла Глаша. И только что она показалась, словно из-под земли, из-за плетня выросла огромная, неуклюжая фигура безбородого, здоровеннейшего верзилы в черном сюртуке и голубом галстуке.

— Офелия! О, нимфа! — с пафосом, басом провыла фигура, с размаху ударив себя в грудь кулачищем.

Рядом над плетнем поднялась другая, совершенно такая же дубина, явно семинарского происхождения.

— О, помани меня в твоих святых молитвах! — на манер ектении проревела она.

Глаша шарахнулась в испуге прочь, но опомнилась и остановилась.

— О, чтоб вас!! — разостлалось ее звучное контрольто. — Бугай!

Она плынула от всей души и поплыла к дому.

За плетнем загрохотали как бы две телеги, несущиеся по кочкам: заржали охваченные полным телачьим восторгом семинары. Лицами оба они смахивали на инородческих идолов. Они обменялись друг с другом парой слов и кинулись в коноплю.

Я вернулся к аллее и стал продолжать по ней путь.

Была совсем ночь, когда я, обойдя сад, вернулся в свою комнату.

Я разделся, еще раз пересмотрел книги и с чувством полного удовлетворения задул свечу и растянулся на прохладной, белоснежной простыне. Но сна не было. Напрасно я ворочался с бока на бок на мягком пружинном диване: мысль продолжала оставаться наверху, у неведомых еще книг, и искала там новые драгоценности.

Лечь сделалось нестерпимо. Я сел, зажег свечу и взглянул на карманные часы: была полночь.

Рассчитывать встретиться с кем-нибудь в доме не приходилось, и я, надев лишь мягкие туфли, в одном белье, со свечой в руке вышел из своей комнаты.

Зал казался высоким, громадным храмом. Я поднял свечу, чтобы осветить большее пространство вперед, и шел беззвучно, как привидение; паркет едва похрустывал. Знакомым путем добрался я до лестницы, взялся рукой за перила и вдруг вспомнил, что там, куда я иду, умер человек.

Я не суеверен, но меня пощекотало неприятное чувство; я приздержался. Через какой-нибудь миг я, конечно, поднимался дальше, тем не менее у белой закрытой двери я прислушался, затем нажал ручку, отворил дверь и осветил комнату.

Все в ней было, как раньше. Спящим слоном вытянулся диван; портьеры длинными тенями свешивались от потолка до пола, на полках вкривь и вкось, еще безобразнее, чем днем, торчали натертанные кое-как книги. Было душно.

Неприятное ожидание чего-то непостижимого, гнездившееся в глубине души, исчезло совершенно. Я поставил свечу рядом с граммофоном, распахнул окна и погрузился в работу. Торопиться было некуда, я любовался одними изданиями, пробегал глазами другие, иными зачитывался...

Не знаю, который был час, когда я кончил, — вероятно, очень поздний. Кресло, на котором я сидел, оказалось

окруженным валом из отобранных мною книг. Редкостей среди них не имелось, но интересных было много, и оставляя их на жертву огню было бы непростительно.

Свеча моя сторепа почти вся; я встал и почувствовал утомление; давно было пора идти спать, но уходить не хотелось. Предчувствовался рассвет, черное, искрившееся звездами небо начало бледнеть... Где-то далеко, далеко пропел пегух, за ним — еще дальше — второй, третий... И опять оковала все волшебная тишина.

Мне захотелось завести граммофон и услышать звуки, вместе с которыми улетела в это окно душа человека. Стало даже казаться, будто я вижу его лежащим на диване — такого грузного, с большим, облысевшим и до бродушным лицом, выбритым начисто.

Я покрутил ручку механизма и пустил круг, а сам сел на подоконник. Раздалось шипение, пробежала по невидимому фортепьяно хрустальная прелюдия, и неведомые руки трепанули по струнам гитар и мандолин: зазвенела и завертелась, вся в коленках и выкрутасах, когда-то знаменитая, развеселая полька-трамбля.

Я слушал, не отрывая глаз от звездного неба. Не думалось, а чувствовалось. И прежде всего было неизменно странно, что хозяина нет, что он ушел навсегда, а в опустевшем доме очнулась и поет и хохочет все та же полька-трамбля...

Хрип и треск сменили музыку, я постепил остановить круг и, взяв свечу, отправился к двери. Огромная черная тень выросла на стене рядом со мною. Я не хотел ее сопровождения, вытянул вперед руки с огнем, и она исчезла. Уснул я у себя, как пристреленный.

Утром, только я открыл глаза, первое, что отразилось в них, были приотворенная дверь и выглядывающая из-за нее обеспокоенная физиономия с бабочкой. Бабочка этот раз была весьма встрепанная.

Увидав, что я проснулся, Гамлет вошел в комнату.

— С добрым утром-с, барин! — произнес он, забирая для чистки мое платье. — А мы уж сумлевались, все ли с вами благополучно?

— Да разве ж я так заспался?

Я схватился за часы: они показывали всего восемь.

— Не во сне дело-с! — таинственно ответил Гамлет и слегка нагнулся ко мне, держа на руке мой вещ. — Барин покойный опять этой ночью по дому ходили-с! — многогласа доложил он.

— Что за чушь?! — воскликнул я.

Гамлет отрицательно качнул головой.

— Эй-Богу-с! — с непоколебимым убеждением подтвердил он. — Вчерась на ночь глядя вам побоялся доложить, и у нас в дому очень нечисто-с.

— Да что же произошло? — все еще не соображая, в чем дело, спросил я.

— На граммофоне ночью покойник играл-с! — совсем понизив голос, сообщил Гамлет. — Сторож в саду ходил, да вдруг видит свет баринову комнату наверху осиял. Так он и обмер-с! А там вдруг как вдарять командирского, да в пляс: визг, крики-с!.. упаси Господи! Сто-рож дубинку шварк, да и домой по цветам без памяти! ума решился, ей-Богу-с! Жена, значит, перепугалась, пы-тает его — что, мол, стряслось с тобой, а он только ва-ли-ва... по-волчьим зубами лязгает-с! Водки в него вкатили полбутылки — отошел, рассказал, что видел. Истинно стрясти!

Мне стало неудержимо смешно.

Я сел и сделал вид, будто усиленно сморкаюсь в платок.

— Кого-де он видел? — спросил я.

Барина-с! Нечистых полон дом был: оно понятно-с без покаяния ведь скончались!..

Разубеждать его не приходилось — такая глубокая вера дышала в каждом его слове.

Гамлет ушел, а я лег в ожидании его возвращения навзничь и закинул руки за голову. Мне вдруг пришла мысль, — что бы я почувствовал, если бы произошло чудо, и вчера в зале, или отворив дверь в библиотеку, я лицом к лицу столкнулся бы с мертвым Батеньковым?

Дать себе отчета я не успел; Гамлет принес платье, помог мне умыться, и я отправился в столовую.

Там меня уже ждала Глаша с кофе, с булочками и чудесными сливками; все было под стать ей — белое, румяное, свежее.

Гамлет бросился отодвигать мне стул. Глаша стала наливать кофе.

Можно было подумать, что я хозяин Вихровки. Все это меня забавляло, и я решил подшутить над Гамлетом.

— Можно будет вас попросить принести мне книги? — обратился я к нему.

— Какие-с? — на лице его написалась готовность немедленно лететь хоть за тридевять земель.

— Сверху, из библиотеки. Они там около кресла лежат, вчера не захватил я их!

Гамлет так и остался стоять согнувшись. Лицо его побурело, глазки все больше и больше стали разъезжаться врозь и сделались совсем бессмысленными.

— Сверху-с? — пролепетал он.

— Да...

— День ведь белый! — спокойно, как бы в сторону, заметила Глаша.

Гамлет хмыкнул носом и направился к двери; ни прыти, ни развязности в нем не осталось и следа.

— Что это он как будто боится идти вверх? — осведомился я у Глаши.

— Кто ж его знает? — не глядя на меня ответила она, — опасаются у нас этой комнаты: барин старый там померли!

— Что же, является он там, что ли?

— Я не видела. А что плетут другие, так ведь всего не переслушаешь!

Я поблагодарил ее за кофе и отправился разыскивать своего возницу и приказчика.

Выйдя из подъезда, я услышал голоса, доносившиеся со двора из-за куртины. Сначала я не разобрал, кто говорит, и только через несколько шагов убедился, что надменный и повелительный голос принадлежал Гамлету.

— Трус паршивый! — с неизясытным презрением говорил он. — Чего ты боишься: ведь день белый? Что это пред сопаткой-то у тебя — солнце или нет?!

— Солнце! — ответил голос мальчика. — А ежели там за ногу ухватит кто?

— Как же, на то барин и помер, чтобы тебя за ноги ловить! Э-эх!! тьма деревенская!

— Дяденька, вы сами же сказывали, что вы ерой? Вот вы бы и принесли, — ядовито и вместе с тем чуть не плача возразил мальчик.

— Есть мне время паутину на себе разводить! — отрезал Гамлет. — Марш, коли приказываю! А коли душа у тебя курячая, так Митьку поклич с собой. Ноги в руки и чтобы в секунду оборот сделать! Все до одной забрать, что вокруг кресла лежат!

Гамлет засвистал мотив из оперетки «Мадам Анго» и зашагал в противоположную от меня сторону.

Я вышел из-за куртины; Гамлета уже не было, а по двору, с видом побитой собакой, уныло плелся мальчик в красной рубашке, лет двенадцати. Ни приказчика, ни моего Мирона дома не оказалось: Петр Иванович с раннего утра уехал в поле и его ждали с минуты на минуту; Мирон отлучился на деревню.

Я попросил встретившегося работника прислать ко мне Петра Ивановича, когда он возвратится, а сам пошел по саду и вернулся в дом.

В столовой меня поджидал Гамлет. Бабочка его была

уже прилизана, и на лице отражалось полное самодовольствие.

— Готово-с... все книжки у вас! — произнес он.

— Сами принесли?

— Сам-с, конечно!.. Кому ж поручить! Народ необходимый-с!..

Не больше как через четверть часа появился в запыленных сапогах и в расстегнутом темно-синем кафтане приказчик; в руках его были картуз и нагайка — видимо, человек только что успел спрыгнуть с седла.

— Здравия желаю-с! — весело произнес он. — Как изволили почивать?

— Отлично, спасибо! — ответил я, протягивая ему руку, он пожал ее с меньшей развязностью, чем накануне. — Собираюсь сейчас уезжать, так хотел проститься с вами!

— Что же так мало погостили-с? Поживите еще!

— Никак нельзя: дела ждут! А я без вас докончил просмотр книг, так будьте добры, взгляните, могу ли я их все взять?

— Все и берите-с...

— Нет, а все-таки посмотрите...

— Да где они?

— В диванной.

Приказчик вошел в нее вместе со мной.

— Эти-с? — спросил он, ткнув ногой в бельевую корзину с книгами.

— Да.

— Что же тут смотреть-то? Навоз, навоз и есть. Берите-с, коли нужны!

— Сколько же я вам должен за них?

Приказчик не понял.

— Чего-с? — переспросил он. — Как это вы мне должны? — Да за книги. Я ведь хочу купить их у вас!

Петр Иванович развел руками.

— Господь с вами, сударь! Да за что же тут с вас

деньги брать, в стыд даже такой разговор считаю-с! Ничини-с! — решительно запротестовал он, видя, что я собираюсь возражать. — Да за такое дело меня барин в двадцать четыре вдоха выгонят-с!

— Ну, так позвольте поблагодарить вас за беспокойство и любезность! — произнес я, вынув десятирублевку и протягивая ее приказчику.

Он отступил на шаг назад и прижал к сердцу руку с картузом.

— Не возьму-с!... какое такое было мое беспокойство.

— Вы меня обидите, если не возьмете! — твердо заявил я. — Я же пользовался вашим гостеприимством и прошу это принять, как ответное угощение!

— Да напрасно-с!

— Нет, не напрасно: это мой маленький знак внимания к вам!

— Ей-Богу, напрасно-с! — пробормотал Петр Иванович, принимая бумажку и пряча ее. — Весьма благодарны-с!... он протянул мне руку и почтительно встряхнул мою.

— А это, пожалуйста, вашему барину передайте, — я достал свою визитную карточку. — Скажите ему, что очень сожалел, что не удалось повидать его.

— Беспременно-с... все передам!

— Можно будет попросить вас послать сыскать моего Мирона и велеть ему запрагаты? Да, кстати, не найдется ли у вас веревочки, книги перевязать?

— Сию секунду все будет!

Он ушел и прислал Гамлета с клубком толстой бечевки. Я бережно, сам, не доверяя рукам принца, могшим в пылу усердия затянуть книги до пореза полей, перевязал их. Вышло пять больших пачек, всего пудов на шесть весом.

Гамлет ухитрился захватить три связки, Глаша две, и забрал остальные вещи, и мы вышли на подъезд. Лопотухне белячки уже ожидали меня; Петр Иванович и Мирон стояли и беседовали около них.

Возница мой, открыв рот, обозрел пачки с книгами, которые Гамлет принял размещать в бричке, затем влез на козлы. Я дал Глаше и Гамлету на чай; первая осветилась улыбкой, второй низко раскланялся. Приказчику я пожал руку и, как архиерей, бережно подсаживаемый под ручку Гамлетом, устроился на сиденье.

— Доброго пути!! — проводил меня хор из трех голосов.

— Прощайте, Петр Иванович! — крикнул МIRON, и мы выкатились на двор.

Там уже опять действовала инквизиция: какой-то молодой парень вилами ворошил плохо горевшие книги.

— Фиверки! — вскрикивал он, подбрасывая высоко на воздух кучи пылавших листов.

Сад закрыл дом, потянулись шпалеры из акаций, показались четырехугольные каменные столбы ворот, и мы очутились в поле.



IV

— Ты это что же? — купил? — спросил МIRON, указывая на книги.

В тоне его ни прежней почтительности, ни заискивания не было и в помине.

— Купил, — отозвался я.

— А сказывал — оves покупать едешь?

— Это, брат, ты сказывал, а не я! — поправил я.

— Ну? А хоть бы и я: на дело ведь надоумливал! Дешево бы взял.. А ты ишь чего набрал!.. — МIRON неодобрительно покачал головой. — То-то думал я: жидок ты для купца!

Некоторое время мы ехали молча.

— На что тебе книжки-то! — заговорил опять МIRON. Мысль о них, видимо, не давала ему покоя.

— Читать.

— Эдакую уймаищу? Это, брат, зачитаешься!

Он опять качнул головой и собрал рот в виде комка.

— А папорт-то у тебя есть? — вдруг строго спросил он.

— А тебе на что?

— Да Бог же тебя знает, что ты такой? Может, тебя не возить, а по начальству я представить должен! Один вот возил такого же у нас по уезду с книжками, да до острога и довозился!

У меня было необыкновенно весело на душе; не малую роль в этом играло и то, что я невольно наполнил чертями усадьбу Батеньковых; забавен был и мой встревожившийся возница; если бы я вез тигра, вероятно, он был бы обеспокоен гораздо меньше.

— Не сумлевайся, — в тон ответил я ему, — и папорт есть, и бумагу особую на разъезды имею от начальства!..

— С печатью?

— С орлом даже!

МIRON просиял.

— Ну, тогда дело свято! — воскликнул он. — А уж я было высаживать тебя хотел, ей-Богу! Долго ли до греха; сейчас тебя урядник за хвост и пожалуйте! По настоящему, как я понимаю, все книжки собрать, да в зем-

лю зарыть следоват: один вред от них! Живет человек, как человек, можно сказать, хозяйственный, а почитает в книжку — и шабаш — сейчас коней воровать, либо пьянствовать почнет! На что ты их, скажи на милость, скупаешь?

— Не одни книжки, я всякую старину собираю: тарелки, чашки фарфоровые, серебро, все что придется...

— Ну, так, так, так! — совсем успокоившись, сказал Мирон. — Это ничего, это дозволяется!

Он подхлестнул лошадок.

— Теперича к Павлихе, стало быть, едем?

— К Павловой! — поправил я.

— Ну вот и я тоже говорю! Это баба жох! — высокой нотой протянул Мирон. — Этой пальца в рот не клади-и-и! Эта облапошит!

— А далеко до нее?

— До Павлихи-то? к полудням будем... Э-эх вы, развеселые! — воскликнул он, опять подхлестывая едва тапавшихся коньков. Мирон принялся мне повествовать о местных помещиках, я его слушал краем уха и глядел по сторонам.

Кругом было приволье. Подувал легкий свежий ветерок; справа, среди жнивья, вставала семья из трех курганов в зеленых кустарниковых шапках; ни души не замеслось кругом.

Какая радость жить и бродить по свету!!

Солнце перешло за полдень, когда мы шагом перебрались по животрепещущему мосту через неподвижную, как бы застывшую узенькую речонку и въехали в тесный двор усадьбы Павловой.

Двухэтажный господский дом был невелик и более походил на петербургскую дачу, чем на помещичье обиталище.

Мирон остановился у крыльца, с которого нас созерцала босоногая девочка лет двенадцати.

— Барыня дома? — спросил я, сойдя с брички.

Девчонка не отвечала и не двигалась.

— Ай уснула? — крикнул ей Мирон, — подь, умница, скорей, доложь барыне, гость, мол, из Петербурга приехал!

Девчонка, как заяц, шарахнулась в комнаты. Там поднялся переполох: в одно из окон глянуло молодое, очень полное женское лицо, за ним выставилось другое, еще более круглое, потом бесцеремонно уставилась на меня какая-то тощая и носатая старуха свирепого вида.

Я остался около брички, наблюдая за носившимися по комнатам обитательницами дома, и делал вид, что обо-зреваю двор.

Минут через пять подъезд точно выстрелил тою же девчонкой: взволнованная и пылавшая, что кумач, она вылетела на крыльцо и остановилась.

— Велели иттить! — возгласила она.

Я последовал за нею и, миновав тесную переднюю, попал в гостиную; мягкую мебель покрывали чехлы, выскокую стоячую лампу окутывала белая тряпка, картины на стенах были аккуратно закрыты газетами. В гостиной никого не было. Дверь, ведшая из нее в другие комнаты, была затворена, и за нею слышался шорох и неясный шепот: за мной, очевидно, подглядывали.

Прошло еще минут десять, и таинственная дверь наконец распахнулась: из нее сперва выставилась необычайных размеров грудь, а затем величественно появилась дама лет сорока, подрумяненная и с полведенными бровями. Видно было, что ее только что затянули в корсет и едва-едва втиснули в давно ставшее узким светлое платье; руки ее у плеч походили на окорока, и она несла их на манер борца, шествующего на парад.

За ней, взявшись под руки, скромно выступали две виденные мною девицы: обе обещали перецеголять

телесными статьями маменьку, и обе, по-видимому, испытывали те же неприятности от корсетов и платяев. На пухлых устах мамаша играла приятная улыбка, но серые холодные глаза в плутовстве губ не участвовали, имели определенно неприятное выражение. Я представился и объявил цель моего визита.

— Очень рады, очень рады, — любезно произнесла она. И в то же время глаза ее старались проникнуть не только в мою подоплеку, но и в мой карманы.

— Разумеется, у нас всего множество; мы не знаем даже, куда деваться от всех этих книг и безделушек! В старых дворянских фамилиях всегда, знаете, накапливается бездна интересных вещей!

— А книг у вас много?

— О, Господи, чего у нас нет! Они у меня такие любознательные, — она кивнула головой в сторону своих двух граций. — И Фарфора сколько угодно. Удивляюсь я людям: теперь ведь, знаете, мода на фарфор, то и дело кто-нибудь приезжает покупать его. И деньги платят безумные, я этого не понимаю: странно, не правда ли? У нас и монеты есть замечательные: вы интересуетесь?

— Да, — ответил я, — и даже очень! Разрешите взглянуть на ваши собрания?

— Лили, Аннет, — обратилась хозяйка к дочерям, — приготовьте в столовой фарфор и коллекцию монет: она знает где?

— Знаем! — сочно отозвались обе девицы. И они гуськом, потупясь и поджав бутонами губки, выбрались из гостиной.

У нас начался светский разговор. Всякий жест Павловой, даже повороты головы, сопровождался легким потрескиванием обоев; прислушиваясь, я сообразил, что обои здесь ни при чем и что эти звуки исходят от платья моей собеседницы, очевидно, собиравшегося разлететься

в лоскутья. Не без опасения я ожидал свершения этого события и лицемерия во всей красе новой Евы.

Пока я соображал все это, хозяйка успела поставить меня в известность, что покойный муж ее происходил из семьи, «оставившей видный след в нашей литературе», что они записаны в шестой книге, что она певица и обворожила как сирена пением какого-то губернатора, что у дочерей ее чудесные голоса и т. д.

В голове у меня началась стукотня; я кивал головой, делал приятное лицо, подмигивал, а сам искоса поглядывал на дверь, откуда должно было прийти избавление.

Она наконец отворилась, и показала Лили — старшая дочка, раскормленная немного менее сестры. Не входя в комнату, она заявила:

— Готово, мама...

— Прощу! — благосклонно вымолвила хозяйка. Мы поднялись с мест, и я очутился в зале, где чахли два фikusа, отражался в длинном, потускневшем трюмо старый рояль.

Первое, что мне бросилось в глаза, была высокая и еще прямая ведьма, стоявшая опершись потемнелой, что молнии, рукой на рояль; на ней, как на огородном шесте с перекладиной, висел засаленный донельзя малиновый капот; седая голова ее тряслась, в другой, опущенной, руке она держала табакерку и платок, состоявший из одних табачных пятен.

Ходить в столь чуждом виде — привилегия только хозяев, а потому я поклонился ей на ходу, но она не ответила даже кивком и проводила меня испытующим взглядом. В зеркало я увидел, что старуха сделала за моей спиной знак внучкам, и те подались к ней.

— В оба глядите: еще стянет что-нибудь! — явственно и злобно прошептала ведьма.

— Ш-шт! — шикнули те разом, подняв руки и оглядываясь.

— Ой, что-то лопнуло у меня! — с испугом проговорила младшая, хватая себя за подмышку.

Я сделал вид, что не слышал и не видел ничего. В столовой на обеденном столе словно только что играли дети: он был покрыт множеством фарфоровых дешевых статуэток, слонов, пастушков и пастушек, среди них выделялось несколько стенных тарелок и разрозненный японский чайный сервиз. Все было самое заурядное, и самой старой вещи было разве лет двадцать.

С разочарованием окинул я взглядом весь этот хлам.

— А чего-нибудь поинтереснее нет у вас? — обратился я к владелице.

— Интереснее? — изумилась та. — Но ведь это же все первоклассные вещи! Взгляните, какая прелесть! — она схватила и подала мне какую-то статуэтку из тех, что по сию пору заполняют оконные витрины посудных магазинов средней руки. — Ведь это же старина: она еще с Екатерининских времен у нас хранится.

Барыня, очевидно, решила, что я новоиспеченный собиратель, и вознамерилась поправить свои финансы самым бесцеремонным образом. Спорить о степени действительной древности статуэтки я не стал и попросил показать мне коллекцию монет.

— Вон она! — произнесла старшая из девиц, высвободив из-за своей спины руку и протягивая коробку из-под конфет.

Я открыл ее. На меня глянули полустертые Екатерининские пятачки, несколько таких же, ничего не стоящих рублей Анны и Павла и разная мелочь. Я поставил коробку на стол. — Никуда не годятся! — сказал я. — И это все, что у вас есть?

— Не понимаю, что вам тогда надо? — заявила довольным тоном хозяйка и обвела рукой стол с расставленными на нем богатствами. — Кажется, все редкие, ценные вещи!..

— А во сколько вы их цените? — любопытствовал я. Хозяйка испытующе поглядела на меня.

— Лили, сколько здесь предметов? — обратилась она к старшей дочери.

— Фарфоровых ровно пятьдесят, мама, — ответила та.

— Ну вот видите... Если считать самым грошовым образом, ну, скажем, хоть по десять рублей, выйдет пятьсот рублей! Дешевле пареной репы. Я усмехнулся.

— Ваши вещи мне не подходят, — сказал я, — но решите мне сказать, что это цена невероятная!

— Невероятная! — маменька смерила меня глазами с ног до головы. — А вы знаете, почему теперь любители платят за фарфор: тысячу рублей за штуку!

— Штука штука рознь. Но не забудьте, что фарфор не золото и цена на него начинается с другивенного!

— Какая же ваша цена?

— Не цена, а оценка! — поправил я. — На любителя, вместе с сервизом, рублей тридцать.

— Лили, убирай все прочь! — грозно приказала Павлова, отвернувшись от меня.

Я счел дальнейшее свое пребывание излишним.

— Прошу извинения, что обеспокоил вас! — произнес я. — Имею честь кланяться.

— Вы же собирались еще книги посмотреть? — сердито бросила она мне через плечо.

— Пожалуйста, покажите...

Аннет отворила дверцы низенького шкафика, стоявшего тут же, против стола. На три четверти он был полон всякого рода учебниками, остальное население его состояло из бульварных романов, изданий Ахматовой, Библиотеки для Чтения и даже Света.

Я мельком окинул взглядом полки и не прикоснулся к книгам.

— Не подойдут и они, — произнес я. — Всего хорошего.

— Прощайте,—ледяным тоном ответила Павлова.—
Очень жаль, что вас не интересуют редкие вещи. Разумеет-
ся, в старине понимать надо, не всякий ее знает!

Я с усмешкой согласился с этой истиной и, не провожа-
емый никем, пошел из столовой.

В передней меня нагнала Аннет.

— Мама отдает за четырехresta!—быстро выговорила
она.

Я пожал плечами:

— Мне такие вещи не нужны!..

Аннет с оскорбленным видом вскинула назад голову
и осталась стоять, выпятив вперед шею, как индюк, соби-
рающийся забормотать.

Мирон сидел, согнувшись на подножке, и поджидал
меня.

— Что, ай ничего не купил?—спросил он, увидав, что
я иду с пустыми руками.

— Ничего!—ответил я.—Дрянь все, а уж цену хо-
тят!!—я только махнул рукой.

Позади послышался топот и на крыльце появилась, вся
раскольхавшаяся и запыхавшаяся, Лили.

— Хотите за двести? это самая крайняя цена!—воск-
ликнула она, остановившись у ступенек.

— Нет!

Лили совсем как мать вздернула плечи, повернулась
и с невыразимым презрением вихнула мне задом.

— Ах, мать честная?!—изумился Мирон.—Смотри
какая мода пошла—заместо головы задом кланяется?

Бричка двинулась. Не успели мы отъехать и двух деся-
тков сажень—позади послышался визг.

И я, и Мирон обернулись: за нами во всю прыть
неслась босоногая девчонка.

— Стойте! стойте!—верещала она, поросычьим го-
лосом.

Мирон остановил лошадей.

— Велели воротиться!—едва переводя дух, выкрикну-
ла она, примчавшись к нам.—За тридцать рублей отдают!
Я засмеялся.

— Скажи, что и даром не возьму!

— Да что ты покупал-то у нее?—вмешался Мирон.

— Куколки детские фарфоровые хотела она всучить
мне...

— За тридцать рублей?!—ужаснулся Мирон.—Нако-
ся, выкуси!!—вдруг решительно возгласил он, сложив
всероссийское трюсперстие и несколько раз потыкав им
чуть не в самый разнутый рот девчонки.—Что мы, день-
и-то бреднем в реке что ли ловим?

— Э-эх вы, осолобливые!!—он зачмокал на лошадей,
и те затрусили рысцою.—Сказывал я тебе, жмот баба!—
выговорил Мирон, когда усадьба осталась за нами.

— Кулак в юбку!—отозвался я.

— Верно! Вот ты и слушайся меня вдругорядь; я то
знаю, куда тебя везти, куда нет! Зря только время на нее
извели! А что, ваше благородие, пора бы лошадак покор-
мить и самим пообедать?

— Что, иль плохо угостили тебя у Павловой?—пошу-
тил я.

Мирон пренебрежительно сплюнул.

— Там угостят: мордой об стол рази?... А тут за бугром
скоро село будет, трактёр там,—ну, я тебе скажу, в Пите-
ре такой поискать! с машиной, ей-Богу!

— Едем в трактир!—согласился я.

Мирон откинулся назад и задергал коньков.—Но, но,
ризвеселые!!—крикнул он с довольным видом. Лошадки
прибавили ходу, и скоро со взгорка открылось большое
село, вытянувшееся вдоль широкого большака, обсажен-
ного дуплистыми березами еще Екатерининской посадки.
Будто зеленая река протек он по желтым полям между
двух черно-синих морей-лесов, облетших горизонт слева
и справа.



V

Почти посередине села подымался пятиглавый красный каменный храм с отдельного колокольней. Село, видимо, было из богатых.

Мы спустились в низину и через проулок попали на улицу. С обеих сторон вставали просторные, высокие избы: многие были крыты тесом, а иные даже железом. С крыш глядели разные коньки; белыми и синими заплатами пестрели раскрашенные ставни.

Мы миновали старый, обширный дом с приколоченою над шатровым крыльцом доской с надписью «востное правление», обогнули церковь и остановились в конце села у крыльца нового двухэтажного дома. Над входом в него красовалась синяя вывеска: «трактир и с крепкими напитками».

Под окнами нижнего этажа во всю длину его тянулась коновязь; у нее стояло несколько крестьянских телег и лошадей. Я сошел с брички, а МIRON подъехал в упор к бревну и стал привязывать лошадей.

— Книги здесь оставим? — нерешительно спросил я.
— А то с собой таскать?! — откликнулся МIRON. — Кто на них польстится-то?

Он отправился во двор за сеном, а я взойшел на грязное крыльцо и попал в сени; наверх вела лестница; распахнутая слева дверь как бы приглашала войти в просторную комнату с некрашеными, затоптанными полами; стены ее были оклеены грошовыми розовыми обоями. В глубине комнаты виднелась стойка с ведерным бочонком на ней, с кучкой бутылок пива и несколькими тарелками с какими-то закусками. За ней дремал желтолицый, обрюзглый и длинноротый человек лет сорока, в русской рубахе с мушками и в надетом поверх нее жилете.

Трактир наполняли деревянные столы разных размеров; за двумя из них располагались компании мужиков человек с десяток; перед ними находились большие деревянные миски, бутылки с водкой и горы нарезанного ломтями черного хлеба.

Запах шей обдал меня приятной густой волной. Не успел я перешагнуть за порог, дремавший открыл глаза и уставился на меня. Повернулся в мою сторону и обедал.

Я поздоровался и подошел к прилавку. Из-за него, опершись обеими, широко расставленными руками, тяжело поднялось, словно налитое водой, огромное тело с отекившим лицом и бесцветными глазами.

— Нельзя ли у вас пообедать? — спросил я.

— Отчего же нельзя, можно-с, — глухо, утробой отвил хозяин. — Пожалуйте наверх на чистую половину; сейчас я к вам паренька пришло-с!

Я вернулся в сени и поднялся по деревянной лестнице во второй этаж.

Чистая половина состояла из двух небольших горенок и отличалась от нижней тем, что на столах в ней были накинuty грязные скатерти розовато-кирпичного цвета; вместо скамеек стояли простые деревянные стулья.

Из задней горенки на меня выглянуло румяное, круглое лицо в овале из темно-русой бородки, принадлежавшее какому-то молодому духовному.

Я сел около окошка, заказав прибежавшему вихрастому половому ячницу и селянку и стал смотреть на улицу. Проезжих не было; на противоположной стороне горячо беседовали о чем-то две бабы с коромыслами на плечах; пара мальчишек с криком и смехом гонялись за третьим; тот метался из стороны в сторону как заяц, но преследовавшие настигали его.

— Не утекешь! не утекешь! — визжали они в полном восторге.

Вдруг визг мальчишек оборвался, и они прыснули по дворам; бабы оглянулись в их сторону и, приняв чинный вид, заспешили прочь, покаявая боками и великими драми: из-за угла проулка показался седогривый великан в сером подрыснике. Он шел, опираясь на толстую дубинку со светлым, должно быть серебряным, набалдашником.

Завидев его приближение, игравшие кое-где около изб ребята шаркались прочь; встречный мужик торопливо скинул картуз и метнулся благословляться. Великан высоко поднял руку для знамения и сунул ее к губам мужика. То же самое проделала и баба, поспешно бросившая для этого коромысла и ведра.

— Видали? — с упованием произнес за моей спиной приятный тенорок.

Я оглянулся: около меня стоял виденный уже мною духовный, карие глаза его искрились от удовольствия.

— Богатырь! — ответил я. — Кто это такой?

— Неужто не знаете? — удивился духовный. — Персона! — отец протоиерей Алексей.

Мы познакомились. Собеседник мой оказался дяконом из соседнего уезда, схавшим в город к тестю.

— Не угодно ли мне компанию составить? — обратился

ся ко мне дякон, — та горенка посокровеннее, эта на нору как-то!

Я согласился, и мы перебрались в нее. Горенка действительно оказалась сокровеннее и уютнее. В дальнем углу ее на столе лежала гора съестных припасов, завернутых в просалившиеся газетные обрывки; среди них, словно наполненная рубинами, ярко пылала в лучах солнца бутылка.

— Пожалуйте, присаживайтесь! — прилащал дякон, отодвигая к одному концу свои свертки. — Неопалимая купина-то моя как светится! — он подмигнул на бутылку. — Вкусаете?

— А что такое? — осведомился я.

— Вишневка, домашняя, — благоговейно ответил дякон, бережно, обеими руками беря бутылку. — Такую наливку разве у архиерея в подвалах сышите! Пять годов выдержана: свадебная!

Он осторожно, стараясь не пролить, налил стаканчик и поднес его мне.

— Откушайте, сделайте одолжение!

Я попробовал; свадебная наливка, действительно, оказалась превосходною. Дякон стоял, держа бутылку в руках словно орарий во время ектении, и глотал слюнки, глядя, как я отпиваю понемногу из стаканчика.

— Сама в горло течет... истинно мед и елей!

— Очень хороша! — похвалил я.

Дякон принялся разворачивать свертки.

— Полну торбу дяконича мне всего наклала: на день еды, на неделю еды — такое уж правило у нее! Ах, и заболтливая же она у меня!

Из свертков появилась жареная курица, кусок колченого сала, вареный язык и т. д.

— Утощайтесь, пожалуйста. Мастерича дяконича у меня: на свете второй такой не сыскать! В пути сущем и в посту разрешается!

Я поблагодарил и отказался: как раз в эту минуту половой внес заказанный мною обед.

— Это вот напрасно! — с искренним сожалением произнес дьякон, — с собою надо возить — дорогое все такое в трактирах! небось рублевку отвалите?

— Вероятно.

Дьякон вдруг радостно рассмеялся:

— А мне дьяконица денег на руки ни-ни, не дает! Харча всякого — сколько угодно, а денег — нет, тубо! Рупь на всю поездку отпустила! — Он опять залился смехом. — В пузырьке содержусь у нее. Не вздумайте, что жадная она, — нет, а так, для порядка, чтобы не растратилась!

И язык и белые зубы дьякона работали неутомимо; я убедился, что дьяконица была воистину мудра, наготовив мужу на два дня пути гору провизии.

— А почему вы с таким восхищением отзывались о здешнем благочинном? — любопытствовал я.

Дьякон широко раскрыл глаза и отнял ото рта куриную ногу.

— Вы и не слышали, стало быть, ничего про отца протоиерея? — несказанно изумился он.

— Нет...

— Ну да как же это?! — воскликнул дьякон. — Знаменитое лицо, воистину пастырь, — на всю губернию, можно сказать, единственный!

— Чем же он знаменит, проповедями?

Дьякон отмахнулся рукой.

— Что там проповеди! всякий эти хляби словесные развезать может. А вот паству держать в руках как он — это уж извините! — дьякон вытянул перед собой руку и сжал кулак. — Весь уезд вот где у него.

— Каким же образом?

— Убедителен очень! Сами изволили видеть — без вершка сажень в человеке, силаща — жеребца за передние ноги на дыбки ставит! Мы если с крестом обход делаем —

настоятель у нас как пупырышек, старенький, слабый — ну какое же прициту уважение? кланяйся, если корчик ржи тебе в мешок выплюют! А отец Алексей идет — загляденье: Синий-гора; риза золотая, в сиянии весь, за ним целый поезд телег едет; кто же такому пастырю меньше меры дать осмелится? Да еще если мера с краями не вровень — глянеть и слова не вымолвит, а только кулаку воздвижение следаст — и уж весь двор как опалелый за добавкой бежит! Нам яичко — ему десяточек.

— Да-с!.. А кулачище — из других уездов нарочно приежат, чтобы его обозреть: в арбуз!

— Дерется, стало быть?

— Зачем? И кого ж ему бить-то, помилуйте? Да он только в лоб когда для назидания кому безымянным перстом постучит — шишка вскакивает! И без битья почитают! Русскому человеку ведь биться не надо: только бы палка всегда наготове стояла — вот тогда он все понимать может!

Дьякон со смаком опорожнил еще стаканчик свадебной и со стуком поставил его на стол.

— Возьмите хоть бы такой случай. Сект у нас по губернии, по деревням — сколько угодно. Беседы всякие мы по приказу преосвященного ведем, прения. Ну, да что же из этого выходит? ты дураку слово, а он тебе в ответ десять; ты ему текст, а он тебе три! Семь потов стечет, а он все свое долбит; зря только словесами воздух сотрясем. А у отца Алексея ни словопрений, ни проповедей, и расколу — ни Боже мой, и духу нет; благолепие, порядок!

— Чем же он этого достиг? неужели тем же воздвижением?

— Зачем? словами! слово умеет сказать! Да вот приведу и вам пример: гусь тут неподалеку один завелся, в собличин стал вводить мужиков. Ярмарка подошла. Отправился отец Алексей пройтись и видит — у церковной ограды толпа стоит, а среди нее гусь этот разглагольствует.

Подошел отец Алексей. Расступились все, а он прямо к сектанту.

— Ты это о чем же здесь умствуешь?— спрашивает.

Смутился тот.— Да так,— говорит,— промежду себя мы тут...

— Слышал я, будто ты в естестве Бога Сына сомнение имеешь?

Тот тудла-скуда, а отвечать надо: народ стеной стоит, слушает!

— Имено!— отвечает.

Отец Алексей цоп его за загривок, да на воздуси в вытянутой руке и вознес, как змия в пустыне.

— За мной все!— приказал. И зашагал в церковь, а Ария этого самого над народом, как на шесте повешенного, несет. Тот и не шелохнется, скрючился, скис со страха! Ярмарка, понятное дело, валом за ним; полна церковь набилась. Остановился отец Алексей среди храма, указал знак вокруг себя свободною рукой и спрашивает,— православные, кто это такие на иконах изображены? Голосок-то у него как рык львиный, так и загремело по всем углам!

— Святые,— отвечают.

— А мощи чьи в церквах и монастырях нетленные почитают?

— Святых же...

— А как они верили? отметали ли они Господа Иисуса Христа, нашего Спасителя?

— Нет!— кричат кругом.

— Как же ты, паршивец, отметать его осмеливаешься?— да как тряхнет его— у того руки и ноги чуть прочь не поотлетали.— Умней ты их, святее?— Да опять позволил им как в колокольчик...— Братцы, свят сей или нет? Кому верить: роже этой или угодникам?

Смех, конечно, кругом! Поставил отец Алексей сектанта на пол, а того уж и ноги не держат: на четвереньки

пал! К-э-э-к зыкнет на него— вон из храма, поганый пес! Попадись еще раз мне в руки— башку об колесо расшибу! Да носком сапога подцепил его под чрево и метнул к дверям: верите— через полхрама как нетопырь перелетел; искочил с полу, едва в двери попал, пудей вынесся! И вот ним и все, и собеседованию конец; с тем и ересь вся кончилась!

— Уверовал после этого Арий?

— Да еще как! Первый говельщик и церковник теперь с' отцом Алексеем не наговоришь!.. Иоанн Злагоуст, во истину!

Я потребовал себе чаю, а дьякону пива— и пара бутылкок разморила его окончательно.

Внизу неистово и хрипло, будто пьяный, заорал какую-то песню граммафон.

— Машина!— Дьякон наклонил голову, послушал и засмеялся.— Ах ты, дьяконица какая...— промолвил,— вот уж воистину умна! Рупь дала! Что я на такой капитал зочинить могу? И не дома, а опять, значит, в пузырьрке сижу!!!

Граммафон сыграл торжественный марш и смолк. Время было ехать.

Я расплатился, простился с моим занятым собеседником и спустился вниз.

Мирон сидел за столом близ стойки и разлаголетновал на весь трактир. Его снисходительно слушали два почтенного вида мужика и хозяйн.

Перед Мироном стояла совершенно пустая полубутылка от водки и стакан зеленого пузырчатого стекла. Что Мирон отобедал на славу, свидетельствовали обширная лужа на столе с капустными частицами и остатки хлеба.

— Пора ехать!— сказал я.

Мирон вскочил.— Верно, что так!— воскликнул он.— **Отребай** с меня кровные, хозяйн!— он полез в карман и стал расплачиваться. Я отправился к лошадям. Развеселые